

Книги
Юсси АДЛЕРА-ОЛЬСЕНА

ЖЕНЩИНА В КЛЕТКЕ
ОХОТНИКИ НА ФАЗАНОВ

ТЬМА В БУТЫЛКЕ

ЖУРНАЛ 64

ЭФФЕКТ МАРКО

ДОМ АЛФАВИТА

**ЮССИ АДЛЕР-
ОЛЬСЕН**

ЖУРНАЛ 64

Санкт-Петербург

Благодарности

Душевная признательность Ханне Адлер-Ольсен за ежедневное вдохновение, поддержку и мудрую профессиональную помощь.

Также я благодарен Фредди Мильтону, Эдди Кирану, Ханне Петерсен, Мику Шмальстигу и Карло Андерсену за необходимые и подробные советы, Анне С. Андерсен за точные замечания и неоценимую помощь.

Отдельное спасибо Нильсу и Марианне Хорбро, Гитте и Петеру К. Раннес, а также Датскому центру авторов и переводчиков «Хальд» за оказанное гостеприимство.

Благодарю комиссара полиции Лайфа Кристенсена за щедро переданный опыт и поправки, касающиеся работы полиции.

Спасибо АО «Сунд энд Бельт», архиву Датского радио, Марианне Фрюд, Курту Редеру, Бирте Фрид-Нильсен, Улле Юде, Фриде Торуп, Гюрит Кабер, Карлу Равну и Сес Новелла за вклад каждого из них в мое исследование «Женского дома» на Спрогё.

ПРОЛОГ

Ноябрь 1985 года

Она совершенно неожиданно расчувствовалась. В руке — прохладная тонкая ножка фужера с шампанским, вокруг — гул голосов, муж обнимает ее за талию. Если не считать периода влюбленности, то лишь считанные мгновения из детства могли сравниться с ощущениями, испытываемыми ею в эти секунды. Голос бабушки, внушающий чувство безопасности. Приглушенный смех, доносящийся сквозь дрему. Смех тех, кого уже давно нет на свете...

Тут Нэте сжала губы, чтобы не позволить чувствам овладеть собой. Иногда такое случалось.

Приосанившись, она оглядела палитру ярких платьев и безупречно прямые спины. На ужин в честь датских лауреатов Большой Скандинавской премии по медицине народу собралось немало. Ученые, врачи, сливки общества. Среда, которую она не назвала бы своей, но в которой с годами чувствовала себя все более комфортно.

Сделав глубокий вдох, Нэте собралась удовлетворенно выдохнуть, как вдруг за женскими высокими прическами и мужскими воротничками с туго завязанными галстуками-бабочками заметила слишком пристально устремленный на нее взгляд. Такой откровенный взор, плохо поддающийся определению и приводящий в трепет, мог принадлежать лишь одному человеку. Инстинктивно она метнулась в сторону, подобно затравленному животному, ищущему убежища в зарослях. Нэте положила

ладонь на руку мужа и попыталась улыбнуться, блуждая глазами меж нарядных мужчин и женщин.

Какая-то женщина, рассмеявшись, запрокинула голову назад, тем самым открыв обзор до дальней стены зала.

Именно там он и стоял.

Его фигура возвышалась над всеми, как маяк. Даже несмотря на сутулость и кривые ноги, он был громаден; его взгляд скользил по толпе как прожектор.

Нэте вновь почувствовала пронизывающую глубину этого внимательного взгляда, четко осознав, что, не отреагируй она немедленно, вся ее жизнь рухнет в считанные секунды.

— Андреас, — произнесла Нэте, взявшись за горло, уже пересохшее от волнения. — Давай уйдем. Мне что-то нехорошо.

Большого и не требовалось. Муж сдвинул темные брови, кивнул окружающим и повернулся к выходу, подхватывая Нэте под руку. За такую отзывчивость она и любила его.

— Спасибо, — поблагодарила Нэте. — Я сожалею, но у меня снова болит голова.

Андреас кивнул. Слишком хорошо он знал все это по себе. Долгие темные вечера в гостиной в моменты приступов мигрени...

Их объединяло в том числе и это.

Они уже дошли до массивной лестницы праздничного зала, когда перед ними неожиданно оказался высокий мужчина.

Он заметно постарел, насколько Нэте могла заметить. Прежде сверкающие глаза теперь потускнели. Волосы совсем поседели. Двадцать пять лет сделали свое дело.

— Нэте, неужто ты здесь? В последнюю очередь я рассчитывал встретить в таком обществе тебя, — быстро сказал он.

Она потянула своего мужа прочь, но это не остановило преследователя.

— Ты что, не помнишь меня, Нэте? — раздался сзади голос. — Да нет, помнишь... Я Курт Вад. Ты прекрасно помнишь меня.

Он настиг их на полпути вниз.

— Наверное, ты личная шлюха директора Росена... Каких высот достигла, подумать только!

Она попыталась тащить мужа за собой, однако Андреас Росен не привык поворачиваться спиной к проблемам. Тем более в таком случае.

— Вы не могли бы оставить мою жену в покое? — негромко произнес он, сопроводив свою реплику гневным взглядом.

— Так-так. — Нежеланный гость отступил на шаг. — Значит, ты завлекла Андреаса Росена в свою сеть, Нэте. Отличная работа. — Затем последовало дополнение, незначительное для стороннего человека, но значимое для нее. — Данный факт каким-то образом полностью ускользнул от моего внимания. Я не так часто появляюсь в высоких кругах, знаешь ли. И желтых газетенок не читаю.

Словно в замедленной съемке, она увидела, как ее муж презрительно качает головой, и почувствовала, как он хватает ее за руку и тянет за собой. На мгновение к ней вернулась способность дышать. Звуки их шагов отзвучивались эхом, будто призывая: «Давай уйдем поскорее». Они уже добрались до гардероба, но навязчивый голос вновь прогремел за спиной:

— Господин Росен! Вероятно, вам неизвестно, что ваша жена потаскуха. Просто-напросто девка со Спрогё¹,

¹ *Спрогё* — остров в Дании, куда с начала XX в. власти отсылали на поселение женщин, отличавшихся в датском обществе свободными нравами. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

которая не особо разбирается, перед кем раздвигать ноги. Как неизвестно вам и то, что ее недоразвитому мозгу недоступна разница между правдой и ложью, и...

Ее запястье дернулось, когда муж неожиданно обернулся в ту сторону, где несколько гостей уже пытались утихомирить человека, нарушившего ход торжества. Двое подоспевших молодых врачей явно намеревались выставить высокого мужчину, чье присутствие здесь со всей очевидностью оказалось нежелательным.

— Андреас, не надо! — закричала Нэте, когда муж направился прямо к ее преследователю, но Андреас не слушал.

Альфа-самец уже приступил к определению своей территории.

— Я не знаю, кто вы такой, — сказал он. — Но советую вам впредь не показываться в обществе, пока вы не научитесь вести себя прилично.

Худощавый тип вытянул голову над крепко схватившими его мужчинами, и внимание всех присутствующих у гардероба сосредоточилось на его пересохших губах. Там были дамы, державшие в руках меховые воротники пальто, личные водители, ожидавшие перед дверями вертушками...

И вот наконец была произнесена фраза, которая ни в коем случае не должна была прозвучать:

— Господин Росен, а вы спросите у Нэте, где ее стерилизовали. Спросите, сколько аборт за свою жизнь она успела сделать. Спросите, каково ощущать себя на пятый день в одиночной камере. Выслушайте ее ответы, а потом уже говорите о моем поведении. На это есть более компетентные люди, Андреас Росен.

Курт Вад высвободился из толпы и развернулся, негодую.

— Я уйду! — прокричал он. — А ты, Нэте, — он протянул в ее сторону трясущиеся пальцы, — поскорее отправляйся в ад, где тебе самое место!

По помещению разнесся гул, после чего раздвижные двери за мужчиной сомкнулись.

— Это был Курт Вад, — прошептал кто-то. — Однокашник сегодняшнего лауреата, и больше ничего о нем сказать нельзя.

Вот она и оказалась в ловушке. Вот и настало разоблачение.

Взгляды собравшихся изучали ее, пытаясь сосредоточиться на деталях, способных выявить ее истинную сущность. Слишком глубокое декольте? Вульгарные движения бедер? Может, что-то не так с губами?

Подавая пальто, гардеробщица обдала ее почти ядовитым теплым дыханием, словно говоря: «Ты нисколько не лучше меня».

Но это длилось недолго.

Нэте отвела глаза и взяла под руку мужа — своего любимого мужчину.

Теперь она не смела поднять на него взгляд.

Нэте слушала мягкий ровный шум двигателя.

Они не сказали друг другу ни слова; каждый сидел уставившись в прорезаемую автомобилем осеннюю темень. Туда-сюда мелькали стеклоочистители.

Возможно, он ждал опровержений, но она не могла их предоставить.

Возможно, Нэте ждала, что муж поможет ей преодолеть неловкость. Просто взглянет на нее и скажет, что все это не имеет значения. Что намного важнее те одиннадцать лет, проведенные вместе. Важнее, чем тридцать семь, прожитых ею раньше.

Но он включил радио, и музыка создала ощущение отстраненности. Стинг сопровождал их продвижение

на юг Зеландии, а Шаде и Мадонна стали спутниками маршрута по Фальстеру и Гульдборгсунду. Ночь проходила под нежные звуки голосов молодых исполнителей. Такова оказалась единственная связь между супругами.

Все остальное исчезло.

За несколько сотен метров до деревушки Бланс и в паре километров от центра муж свернул и остановил машину в поле.

— Ну, так расскажи мне обо всем, — произнес он, вперившись в окружающую тьму.

Отнюдь не теплая фраза. Он даже не смягчил свои слова ее именем. Просто — «ну, так расскажи мне обо всем».

Нэте прикрыла глаза, умоляя его понять, что тут замешаны более глубокие обстоятельства, все объясняющие, что человек, который обвинял ее, также виновен в ее несчастьях. Но как бы то ни было, сказанное верно, полупшепотом призналась она.

Все так и есть.

В этот всепоглощающий болезненный момент она слышала лишь его дыхание. Затем муж повернулся к ней с мрачным взглядом.

— Так, значит, вот почему у нас с тобой нет детей, — сказал он.

Она кивнула. Сжала губы и призналась: да, так и было. Да, она виновна во лжи и умалчивании. Увы, юной девушкой Нэте была отправлена на Спрогё, но совершенно незаслуженно. Все случилось в результате цепочки недоразумений, злоупотреблений и подлогов. Исключительно поэтому. Да, она делала аборты и была стерилизована, однако тот жуткий человек, которого они только что встретили...

Андреас положил ладонь ей на плечо, и от этого жеста повеяло таким холодом, что Нэте вмиг умолкла. За-

тем он включил скорость, ослабил педаль сцепления, проскользнул через городок и помчался вдоль лугов и темных вод.

— Мне очень жаль, Нэте. Но я не могу простить. На протяжении долгих лет ты заставляла меня жить в слепой надежде на то, что мы можем стать родителями. Просто не могу, и все. И что касается остального, я испытываю отвращение к тому, что услышал.

Потом он на мгновение прервался, и она ощутила покалывание в висках и в шее.

Муж качнул головой. Столь же надменно, как при общении с людьми, по его мнению, недостойными уважения. Столь же заносчиво, как в моменты пренебрежения какими-нибудь идиотскими рекомендациями.

— Я соберу вещи, — отчетливо произнес он. — У тебя будет неделя, чтобы подыскать себе другое жилье. Из Хавнгорда можешь взять все, что захочешь. Ты не должна испытывать нужду.

Нэте медленно отвернулась, уставившись на воду. Затем чуть опустила стекло и почувствовала запах водорослей, носимых иссиня-черными волнами. Они словно стремились поглотить ее целиком. И чувство одиночества и отчаяния, знакомое ей по дням, проведенным на Спрогё, где такое же укачивающее море соблазняло положить конец безрадостной жизни, вновь вернулось.

«Ты не должна испытывать нужду», — сказал он, словно это имело какое-то значение.

Значит, он действительно ничего не знал о ней.

На мгновение Нэте увидела дату на часах: 14 ноября 1985 года. Повернувшись к мужу, женщина почувствовала, как дрожат ее губы.

Его темные глаза в полутьме зияли дырами. Андреаса Росена интересовал лишь очередной поворот да лежащая впереди дорога.

Тогда она медленно потянулась рукой к рулю. Схвати-
лась за него ровно в тот момент, когда муж собрался
оказать сопротивление, и дернула как можно резче...

Огромная мощь двигателя растрачивалась вхолостую,
когда дорога под ними исчезла. Металлический скрежет
летающего через бурелом механизма заглушил последние
вопли протеста, исходившие от мужа.

Соприкосновение с морем было сравнимо с чувством
возвращения в родной дом.

Ноябрь 2010 года

Карл Мёрк услышал о ночных событиях из новостей полицейской радиостанции по дороге из таунхауса в Аллерёд. Обычно работа коллег из отдела по борьбе с преступлениями сексуального характера не вызывала у него интереса, но этот случай он воспринял как нечто особенное.

Хозяйка эскорт-агентства подверглась нападению и была облита серной кислотой в собственной квартире на Энгхэвевай, персоналу ожогового отделения Королевской больницы пришлось нелегко. Теперь разыскивались свидетели, но пока безрезультатно.

К допросу уже привлекли несколько подозрительных литовцев, однако к утру стало ясно, что лишь один из подозреваемых может стать обвиняемым, но и к нему не смогли подкопаться — не хватало доказательств. При госпитализации пострадавшая заявила, что не может определить виновного, и в итоге пришлось освободить всю шайку.

Неужели ранее не было слышно ни о чем подобном?

На площади Полиции по дороге на парковку Карл встретился с Соломенной Сосулькой — Брандуром Исаксеном из «Стейшн-Сити».

— Ну что, выбрался пораздражать окружающих? — проворчал Карл мимоходом, как вдруг придурок остановился, словно слова полицейского прозвучали для него приветствием.

— На этот раз они добрались до сестрицы Бака, — холодно сказал Исаксен.

Карл взглянул на него затуманенными глазами. О чем, черт возьми, он толкует?

— Жаль, — промычал он, — от этого-то не убудет.

— Так ты слышал о нападении на Энгхэвевай? Она выглядит совсем неважно, — продолжил Исаксен. — Врачи Королевской больницы всю ночь трудились. Так, значит, ты знаком с Берге Баком?

Карл задумался. Берге Бак?.. Знакомы ли они? Вице-комиссар полиции из отдела А, выпросивший увольнение и несвоевременно отправившийся на пенсию? Этот лицемерный ублюдок?

— Мы с ним были примерно такими же близкими друзьями, как я с тобой, — произнес Карл.

Исаксен мрачно кивнул. Да уж, в симпатии друг к другу их нельзя было заподозрить.

— А сестру Берге, Эстер Бак, ты тоже знаешь? — поинтересовался Исаксен.

Карл взглянул на колоннаду, где семила Роза с огромной, как чемодан, сумкой, болтающейся на плече. О чем эта дама думает, будь она неладна? Хочет провести отпуск в офисе?

Карл заметил, что Исаксен следит за его взглядом, и отвел глаза.

— Никогда не встречался с Эстер. Но она содержит бордель, верно? — ответил Карл. — Проститутки — сфера скорее твоей компетенции, нежели моей, так что оставь меня наконец в покое.

Исаксен выдал:

— Тебе придется смириться с тем, что Бак неожиданно объявится в отделении и вмешается в дело.

Карл сомневался. Разве Бак ушел из полиции не из-за того, что ненавидел приходить на работу в участок?

— Ему будет оказан радушный прием, — ответил Мёрк. — Но только не у меня в подвале.

Исаксен провел пальцами по своим черным как смоль, слежавшимся после сна волосам.

— Ну нет, конечно. Ты там, у себя внизу, наверняка по горло занят шашнями с этой, верно?

Он мотнул головой в сторону Розы, уже скрывшейся на лестнице.

Карл затряс головой. Пускай Исаксен отправляется ко всем чертям: что за вздор? Шашни с Розой! Уж лучше уйти в монастырь в Братиславе.

— Карл, — обратился к нему охранник спустя полминуты. — Психолог Мона Ибсен оставила для вас кое-что.

Он с ликующим видом протянул Карлу в дверь серый конверт.

Мёрк с удивлением взглянул на него. Может, в конверте и вправду важные новости?

Охранник сел на место.

— Я слышал, что Асад пришел уже к четырем утра. Готов поспорить, это прекрасное время для обдελывания своих делишек. Он что, готовит план террористического захвата полицейского управления, или как? — Парень рассмеялся на мгновение, но замолк, заметив свинцовый взгляд Карла.

— Спроси у него сам, — отчеканил тот, подумав о женщине, задержанной в аэропорту лишь за то, что та пронесла слово «бомба».

Вот уж поистине оговорка, достойная занять место на первых полосах.

Впрочем, тут дело могло обстоять намного хуже.

Уже на последних ступенях винтовой лестницы Мёрк понял, что у Розы день удался. Тяжелый запах гвоздики и жасмина пахнул ему в лицо и заставил вспомнить старушку из Восточного Брендерслева, щипавшую за зад-

ницу каждого мужчину, не обращавшего на нее внимания. Когда Роза источала подобные ароматы, у него начиналась головная боль.

Асад выдвинул версию, что она получила эти духи в наследство, однако кто-то из сослуживцев сказал, что подобные тошнотворные смеси по-прежнему доступны в индийских магазинчиках, хозяевам которых безразлично, придет ли этот покупатель еще хотя бы раз.

— Эй, Карл, иди-ка сюда! — прокричала Роза из своего кабинета.

Мёрк вздохнул. Что теперь будет?

Он проковылял мимо бедлама Асада, засунул нос в клинически стерильную комнату Розы и сразу заметил гигантскую сумку. Прежде она висела у девушки на плече. Насколько Карл понял, не только Розины духи сулили беспокойный день. В пользу этого говорила еще и огромная кипа бумаг, торчащих из сумки.

— Гм, — осторожно хмыкнул он, указывая на бумаги. — Это что такое?

Роза уставилась на него обведенными черным глазами, взгляд которых предвещал большие проблемы.

— Кое-какие старые дела. Они лежали на полицейских столах весь прошлый год, хотя должны были попасть к нам в первую очередь. Тебе наверняка знакомо такое разгильдяйство.

Последнюю фразу Роза сопроводила невнятным звуком, который мог быть интерпретирован как смех.

— Эти папки были по ошибке переданы в Национальный центр расследований. А я просто их оттуда забрала.

Карл поднял брови. Навалилась куча дел — так с какой стати она улыбается?

— Да-да, знаю, что ты сейчас думаешь. Плохие новости, правда, — опередила она его. — Но ты еще не видел вот эту папку. Она не из НЦР, а уже лежала на моем кресле, когда я пришла.